ЮРИДИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

С.С. ОЛЕСЬКО

(Белорусский государственный университет, Минск)

Исследуются основные юридические свойства, присущие конституционным ценностям. На основе правовой доктрины, законодательства и юридической практики выводятся и обосновываются такие юридические свойства указанных ценностей, как историчность, всеобщность и признанность, стабильность и обновляемость, перспективность, нормативность, верховенство, иерархичность, взаимосвязь и взаимозависимость, концентрированность, неотъемлемая связь с макроценностями. Раскрывается сущность каждого юридического свойства.

Ключевые слова: конституционная аксиология, конституционные ценности, юридические свойства, конституция, Основной закон.

Введение. В условиях воплощения в жизнь целей, провозглашённых в конституции и её законах, особое значение приобретает формирование единообразного подхода к пониманию конституционных ценностей как феномена. С нашей точки зрения, конституционные ценности рассматриваются в качестве подсознательно сформированных на историческом и культурном уровнях идеалов и представлений об организации и развитии общественно-государственного устройства в виде обобщенных ключевых стратегических приоритетов (идей, принципов, целей), закрепленных как вектор конституционного развития на уровне конституции и конституционных законов, а также разъясняемых органом конституционного контроля в целях обеспечения оптимального баланса конституционно-правовых интересов личности, общества и государства, обеспечивающего их взаимное развитие.

Понимание сущности и правовой природы конституционных ценностей возможно значительно расширить, определив их основные юридические свойства. Данный вопрос не в полной мере освещён в юридической литературе. Основные исследования проводились А.Н. Пугачёвым, В.И. Круссом, О. Снежко, Ю.А. Рудт и некоторыми другими учёными. Тем не менее, имеет смысл углубить имеющиеся подходы к восприятию юридических свойств конституционных ценностей и разработать новые. Выработка дополнительных положений приведёт к пониманию конституционных ценностей как явления к единообразию.

Основная часть. Под юридическими свойствами конституционных ценностей можно понимать те их отличительные особенности, которые в совокупности позволяют выделять такие ценности среди других институтов. И здесь сразу сделаем важное уточнение: особенности конституционных ценностей связаны с их юридическими свойствами, хотя и не сводятся только к ним. Так, О. Снежко выделяет важнейшие свойства, присущие конституционным ценностям, к числу которых относит историчность, обновляемость, стабильность, концентрированность, верховенство, иерархичность и др. [1, с. 13–14]. В рамках данного вопроса более подробно рассмотрим указанные характеристики.

Историчность признаётся фундаментальной характеристикой конституционных ценностей и заключается в тернистом процессе их образования, связанном с различными историческими событиями, благодаря которым неправовые ценности преобразовались и стали конституционными. Что касается отечественной правовой системы, народ Беларуси принял Основной закон, «опираясь на многовековую историю развития белорусской государственности, культурные и духовные традиции» (преамбула Конституции). Сказанное свидетельствует о признании, преемственности и принятии тех важнейших для белорусов ценностей, которые не были навязаны извне, как зачастую бывает в случае с «оккупационными конституциями», а сформировались в ходе естественной эволюции общественной жизни, государственности и культуры, присущей коренному народу. Таким образом, в Конституции «законсервированы» лишь приемлемые ценности. В качестве противоположного примера А.Н. Пугачёв приводит Основной Закон ФРГ 1949 г. и Конституцию Японии 1946 г., потерпевших поражение во Второй мировой войне. Избранная модель конституций отражала разрыв правовой преемственности, поскольку «одной из основных задач стран-победителей было недопущение (или радикальное изменение) тех институтов, принципов и ценностей, которые существовали до оккупации» [2, с. 289], оказали разрушительное воздействие на общечеловеческие ценности. В послеоккупационный период в конституции указанных государств были инкорпорированы принципы демократии, основы демонополизации, отказа от войны и статуса личности.

Другое неотъемлемое и двуединое свойство конституционных ценностей – это одновременно их *стабильность* и *обновляемость*. Принимая во внимание смысл, вложенный авторами конституции при её принятии, актуализируется идея о её стабилизирующей роли. Сторонники данного подхода при интерпретации конституции и выявлении её реального смысла отсылают к историческим документам, предшествовавшим ей, – «документам конституционного совещания». Проблема в том, что толкование конституции в контексте воли её создателя условно и субъективно до тех пор, пока он сам не даст официальные пояснения относительно того, что им имелось в виду. Е.П. Тарасова пишет, что довольно часто бесосновательно недооцениваются субъективные факторы, оказывающие значительное влияние на конституционный процесс, тогда как иногда они и только они могут существенно воздействовать на ход и результаты не только правовых, но и политических преобразований [3, с. 52]. Доля субъективизма в трактовке действительной задумки создателя конституции как довод применима к общей теории герменевтики.

Однако в данном контексте речь идет не только и не столько о субъективности оценки субъекта-интерпретатора как осложняющем её разрыве во времени (экономическом, технологическом, социальном, культурном, ценностном, политическом и др.), который оказывается между толкователем, с одной стороны, и толкуемым текстом – с другой. Например, до конституционных преобразований в результате республиканского референдума 2022 г. в белорусской Конституции закреплялась норма про систему хозяйственных судов во главе с Высшим Хозяйственным Судом (ч. 4 ст. 116), которая с 2014 г. была фактически упразднена с присоединением к общим судам.

Как правило, статичность – положительный момент, поскольку удерживает толкующего в «жестких» рамках, предохраняя конституционные ценности от преждевременного и чрезмерного преобразования, влекущего искажение и нивелирование их изначального смысла и значения. Пример стабильной, а потому и удачной формулировкой – положение ч. 2 ст. 32 Основного Закона Беларуси о том, что женщина и мужчина по достижении брачного возраста вправе вступить в брак и создать семью. За счёт «жесткого» характера правовой нормы обеспечена стабильная охрана семьи, материнства и отцовств как конституционных ценностей, препятствуя навязыванию радикальных западных ценности в виде однополых браков.

В условиях стремительно изменяющегося мира подтверждается и обоснованность подхода к обновляемости содержания конституционных ценностей, что прежде всего обусловлено их гибкостью, возможностью преобразования, наполнения новым смыслом и значением, внедрения универсальных ценностей. А.Н. Медушевский доказывает разумность в толковании конституционного текста в духе западной и европейской правовой традиции, поясняя при этом, что использование иного подхода ведет к разъеданию конституции [4, с. 15]. На наш взгляд, к внедрению «чужих» конституционных ценностей следует относиться с предельной осторожностью и осмотрительностью. Обновление смысла одних конституционных ценностей не должно ни исключать, ни умалять иных ценностей. Нередко органы конституционного правосудия объясняют подвижность своих правовых позиций учетом конкретных обстоятельств, сложившихся в жизни общества. Например, в одном из решений Конституционного Суда Российской Федерации отмечено, что буква и дух конституции плотно увязаны на конкретных социальных условиях её воплощения (постановление от 21 декабря 2005 г. № 13-П). По этой причине суд пересмотрел предыдущие позиции о демократически допустимых вариантах уполномочивания глав субъектов федерации, разъяснив, что они не сдержаны лишь прямыми выборами региональных высших должностных лиц. И хотя решение коллизировало с предыдущими, сообразно изменению контекста его принятия оно было оправдано.

В подобных случаях ключевыми предпосылками, которые влияют на характер толкования, становятся международные, социальные, экономические, геополитические, культурные, а также иные ценностные контексты интерпретируемой нормы. Однако гибкость не должна становиться средством злоупотребления. В частности, в том же Постановлении российского Конституционного Суда относительно баланса конституционных ценностей указано, что со сменой этапов государственного развития корректируются и правовые механизмы его обеспечения. Действительно, с течением времени ценности меняются, но должен соблюдаться адекватный баланс между стабильностью, с одной стороны, и динамичностью – с другой, чтобы потом не «кидаться из крайности в крайность».

Такое свойство конституционных ценностей, как *концентрированность*, связано с правовой природой данных ценностей. Разделяя мнение большинства учёных о происхождении ценностей из самой конституции, тем не менее полагаем, что ценности могут закрепляться не только в конституции, но и конституционных законах, к которым она прямо отсылает.

Фундаментальным свойством является *нормативность* конституционных ценностей, иначе они не имели бы правового значения и не влекли юридических последствий, поскольку без данной характеристики все остальные свойства просто не имеют никакого смысла. В.И. Крусс поясняет, что нормативность проявляется в следующих аспектах: 1) прямом действии конституции; 2) ценностно-регулирующем воздействии прав и свобод человека, а также необходимости ценностного обозначения конституционных принципов [5]. По-видимому, смысл заключается в центральном положении прав и свобод человека в системе ценностей, которые составляют так называемое «конституционное ядро». Соотнесится с указанными формализованное закрепление основополагающего в аксиологическом плане положения Конституции Республики Беларусь о том, что «человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства». Приведенной норме-цели-дефиниции-декларации отведено важнейшее место в основах конституционного строя. Государством осознается, что признание таких ценностей в качестве высших ориентиров конституционного вектора развития должно сопровождаться созданием реальных доступных механизмов, направленных на их обеспечение. Это, в свою очередь, свидетельствует о наличии реальной конституции. Как юридическое свойство, нормативность выводится из признания ценностного содержания «блока всякой правовой нормы, направленной на упорядочение конституционно значимых отношений» [6]. Выражаясь иными словами, важна не сама конституционная норма, а её концептуальное наполнение. В данном смысле конституционные ценности являются не просто абстрактными постулатами, а утилитарными идеями, способствующими как разрешению споров, так и принятию важнейших решений государственного значения. Из свойства нормативности конституционных ценностей вытекает характер официальности и обязательности.

Свойствами конституционных ценностей также являются их *всеобщность* и *признанность*. Данные характеристики заключаются в универсальном представлении о явлениях общественной жизни как о ценностях, компромиссе относительно них, отвлеченности от личных интересов и предпочтений. О.В. Мартышин по этому поводу поясняет, что «ценности порождаются историческим опытом и одним из важных доказательств их убедительности служит общественное признание» [7, с. 5].

Постепенное осознание объективной необходимости в конституционном оформлении явлений, представляющих ценность, происходит по следующему принципу. «Переход социальной ценности в правовую начинается с коллективного переживания утраты гарантированности привычных условий их воспроизводства» [8, с. 100]. Таким образом, по утверждению Е.В. Сидоровой, общественная ценность приобретает конституционное значение лишь в том случае, когда остальные средства защиты больше неэффективны. Важно учитывать, что с приданием ценности конституционного значения её реализация обеспечивается специальными механизмами – прежде всего посредством конституционной юстиции, поэтому с момента обретения ценностью нового статуса она начинает «нормировать, предписывать, служить масштабом оценки» [8, с. 100].

Наполнение правовых конструкций определённым ценностным смыслом благоприятно влияет на нормы, делая их более «прозрачными» для обывателя и применителя. Более того, это оберегает права и свободы от девальвации, которая «неизбежно влечет за собой крах всей системы конституционных ценностей, и это – социальная закономерность, действующая объективно и не знающая исключений» [2, с. 184]. В.И. Крусс утверждает, что по причине высшей юридической силы и прямого действия конституции, а также непосредственного характера личных прав и свобод, конституционные ценности как юридическая категория должны занимать центральное место в системе механизмов и средств конституционно-правового упорядочения жизни людей [5, с. 187]. В связи с этим нельзя согласиться с общеправовым выводом о неэмпирической или даже надэмпирической природе ценностей, так как их проявление можно зафиксировать путем наблюдения за результатами предпочитаемого поведения.

Не менее важным свойством конституционных ценностей является их *неотъемлемая связь с макроценностями*, возвышающимися над ними. В первую очередь это обусловлено такими процессами, как универсализация и глобализация, расширяющими пределы конституционализма. Дело в том, что первоначально общественно-государственное развитие происходило в более изолированных условиях, чем сейчас. В отличие от предшествующих, современные конституции в ценностном смысле отсылают в наднациональное и международное пространства [9; 10]. Прежде всего речь идёт о правах и свободах человека, которые нашли своё признание как ценности в межгосударственном и мировом масштабе: общечеловеческих ценностях (право на жизнь, свободу передвижения и др.) и ценностях определённых цивилизаций, к примеру, западной (разделение властей, местное самоуправление и др.) и восточной (религиозные каноны и др.) правовых традиций. Влияние национальных и макроценностей обладает однонаправленным характером. Ориентация на конституционное однообразие создаёт риск развития социальных конфликтов, обусловленных отсутствием общественного согласия и взаимопонимания относительно базовых конституционных ценностей. По убеждению А. Шайо и М. Розенфельда, в этой и подобных ей ситуациях единственно правильным решением становится установление гибкого в ценностном плане регулирования [11]. Полагаем, что оно должно быть и своевременным, поскольку в противном случае утрачивается его актуальность.

Центральное место в обеспечении сбалансированности конституционных ценностей отведено органам конституционного правосудия, нормативная природа принимаемых ими решений позволяет оказывать комплексное воздействие на политику конституционализма и его строительство [12, с. 19]. Благодаря этому, конституционные ценности обогащаются наднациональными механизмами защиты идей статуса личности, демократии, принципа равенства и иных западных ценностей. В Российской Федерации приняты меры организационно-правового характера по обеспечению сбалансированности национальных и макроценностей. В частности, Конституционный Суд наделён полномочием по оценке возможности выполнения решений наднациональных органов о защите прав и свобод человека при их противоречии положениям главы 1 «Основы конституционного строя» и главы 2 «Права и свободы человека и гражданина» российской Конституции [13; 14; 15, с. 62].

Эффективность функционирования системы двуединства «национальные-макроценности» во многом зависит от подхода к пониманию конституции. И. Пернис утверждает, что договорный подход представляет собой «постнациональную» идею, в которой конституция, выступающая в роли соглашения, достигнутого между народом и властью, обладает первичным характером [16]. Потому логично, что и конституционные ценности первичны по отношению ко всем остальным. В то же время договор не всегда заключается между властью и народом. Такое соглашение может состояться и между государствами – на наднациональном уровне, что создает «купол» общих для ценностей. В качестве примера можно привести конституцию Европейского Союза, представляющую собой некий симбиоз конституций государств-членов, которые связаны контрактными отношениями. Однако в стремлении обеспечить преемственность ценностей, на что акцентировано внимание в правовой литературе, важно не ошибиться, не запутаться между национальной и макроидентичностью [17, с. 128]. Поэтому разумно придерживаться «золотой середины», в условиях которой одновременно уживаются и национальный конституционный патриотизм, и приоритет международного права в части признания прав и свобод человека – основополагающих конституционных ценностей. Тем более, как подчёркивает И.Н. Барциц, механизмы сведения негативных последствий «конституционного патриотизма к минимуму» довольно самостоятельны и независимы [18]. Рассматриваемой концепции также придерживаются В.Я. Чиркин и Ю.Л. Шульженко [19].

Конституционная практика подтверждает её правильность. При отправлении конституционного правосудия, суд в первоочередном порядке излагает конституционные нормы и только в последующем – международные. Безусловно, «пределы усмотрения [...] достаточно широки, однако в любом случае он должен опираться на конституционные цели и ценности, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные обязательства» (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2017 г. № 24-П). В решении по делу «Анчугов и Гладков против России» Конституционный Суд выразил отношение государства к международным

обязательствам о защите личных прав и свобод и, признавая связанность международным договором, призвал должным образом обеспечить верховенство конституции, отдав предпочтение такой трактовке прав и свобод, при которой обеспечивается их максимальная защита, даже если это будет коллизировать с решениям Европейского Суда по правам человека (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П). Поскольку права и свободы человека признаются высшей ценностью, существующей действительности следует давать объективную оценку, определяя степень её приближения к данному конституционному императиву [1, с. 13]. Таким образом, права и свободы личности как основополагающие ценности защищаются на национальном, наднациональном и международном уровнях с помощью доступных им механизмов. Тем не менее приоритет должны иметь именно национальные механизмы как наиболее приближённые к интересам граждан. Одновременно необходимо укреплять международно-правовое сотрудничество по обеспечению развития систем национальных конституционных ценностей.

Такую характеристику конституционных ценностей, как их *верховенство*, следует связывать с высшей юридической силой конституции и юридической силой конституционных законов, которая должна превышать силу иных законов. В этом смысле справедливо утверждение А.Н. Пугачёва о том, что «высшая юридическая сила предполагает прямое действие конституции, однако в отношении Беларуси приходится констатировать ситуацию, связанную с недостаточностью и неэффективностью правозащитных механизмов. [...] Такое положение дел нельзя считать нормальным, поскольку верховенство конституции предполагает ее особую охрану и защиту» [20, с. 97–98], а также ценностей, ею учреждаемых.

В некотором смысле две предыдущие характеристики – неотъемлемая связь с макроценностями и верховенство – обуславливают ещё одно юридическое свойство конституционных ценностей – их *иерархичность*. Данное свойство определяет, каким образом конституционные ценности упорядочены. Иначе понимание конституционных ценностей и их системы сводилось бы лишь к их констатации, и то, о какой именно ценности идёт речь, не имело бы предметного значения. Ю.А. Рудт убеждена, что конституционные ценности субъективны в том плане, что их иерархия и определение содержания обусловлены национальным контекстом, в том числе политическим и экономическим развитием [16]. Близкой по своей сущности к категории «иерархия» является категория «*приоритет*». В словарных источниках приоритет обозначен как первенство во времени в осуществлении деятельности либо вообще первенствующее положение [21, с. 594]. Приоритет определяет, какая по вертикали ценность и в каком очередном порядке подлежит защите. Так, провозгласив в преамбуле Конституции Беларуси приверженность (верность, преданность) общечеловеческим ценностям, государство автоматически признало для себя их приоритетность, первенство и превосходство над другими ценностями общества и государства. В ч. 1 ст. 2 Основного закона Беларуси человек, его права, свободы и гарантии их реализации провозглашены высшей ценностью общества и государства. Представляется, что таким образом определена иерархия конституционных ценностей.

С предыдущей характеристикой тесно связаны такие юридические свойства конституционных ценностей, как их *взаимосвязь* и *взаимозависимость*. Конституционные ценности не существуют сами по себе, изолировано, а образуют единую систему, построенную не только по принципам субординации и суперординации, но и схематичности. А.А. Петров предлагает деление конституционных ценностей по относительно самостоятельным уровням, в частности, страт, семейств (слоёв) и организационному [22, с. 156]. Таким образом, некоторые ценности образуют собой определённые группы, одни ценности подразумевают другие, ряд ценностей является системообразующим. В зависимости от обстоятельств данные уровни могут пересекаться, что отражает взаимосвязь и взаимозависимость конституционных ценностей.

Перспективность конституционных ценностей как их юридическое свойство заложено в самом понятии этого правового явления. Ценностью может быть лишь ориентир, поэтому утверждать, что конституционные ценности важны «только здесь и сейчас», означало бы поставить под сомнение их сущность как целей, идеалов, принципов. Аксиома состоит в том, что ценности должны находиться «на шаг впереди», «опережать», если мы хотим опосредовать и понимать поступки людей. Неслучайно в ч. 1 ст. 2 Конституции Республики Беларусь человек, его права и свободы, гарантии их реализации прозваны не только ценностью, но и целью для общества и государства. Работа «на перспективу» – неотъемлемый императив, имманентный конституционным ценностям.

Определив основные юридические свойства конституционных ценностей, можно сделать вывод, что с большего они коррелируют с аналогичными свойствами конституции. В то же время некоторые свойства являются уникальными и определяют наполнение конституции, а не наоборот.

Можно выделить ряд иных особенностей конституционных ценностей, заключающихся в том, что они: носят временной, обобщённый, массовый и персонально неконкретизированный характер, неумалимы; являются основной категорией конституционной аксиологии, тесно связаны с институтом ограничения прав и свобод личности; не имеют автора (возникают исторически) и тесно связаны с культурологическими основами; имеют разновидности и, как правило, не заключены в единый список; выражаются в способности удовлетворять общие потребности, отвечать конкретным целям и интересам, выступают причиной коллизии конституционно-правовых интересов личности, общества и государства и представляют собой элемент механизма по ее разрешению; являются частью конституционной «идеологии» и элементом понятия «конституционный патриотизм», определяют конституционную идентичность, характеризуют правовую систему страны; подлежат реализации в правотворческой и правоприменительной деятельности, обеспечение их реализации осуществляется государственными мерами охраны и защиты; гарантируются президентом как гарантом конституции, охраняются законодательством под угрозой ответственности; являются основой для определения правомерности поведения, выступают критерием оценки конституционности правовых норм и поведения, определения анти-ценностей.

Конституционные ценности являются *индикаторами* соответствия фактических условий жизни людей цивилизованности. Их практическая составляющая заключается в том, чтобы сфокусировать внимание правотворческих и правоприменительных органов, включая правоохранительные, на смысле конституционных конструкций, выстроив единую логику их работы. В духе действительного, а не мнимого смысла той или иной конституционно-правовой нормы такие органы и должны принимать решения. В противном случае неправильное правотворчество влечёт аналогичную правоприменительную практику.

Специфика конституционных ценностей обусловлена особенностями конституционного права конкретного государства. Как самостоятельная отрасль, конституционное право имеет свой предмет, систему и методы, а также выполняет системообразующую и координирующую функции в отношении отраслевых систем правового регулирования, определяя границы их самостоятельности. Закрепление конституционными ценностями критериев конституционности, детерминация ими законотворческого процесса свидетельствуют об их практико-ориентированности. Без их восприятия невозможно уяснить содержание и ценностное значение основ конституционного строя, правового статуса личности, иных жизненных благ и возможностей, предусмотренных в конституции и конституционных законах.

Заключение. На современном этапе общественно-государственного развития конституционные ценности занимают центральное место. Это связано с тем, что данные ценности как символ и атрибут современного демократического правового государства включаются в конституцию, которая обладает высшей юридической силой, и потому признаются официально. Понятие «конституционные ценности» нередко употребляется в актах органов конституционного правосудия, что указывает на его значимость для конституционализма.

Конституционные ценности идентифицируются с помощью присущих им юридических свойств. Юридические свойства таких ценностей коррелируют с аналогичными свойствами конституции. В то же время ряд свойств является уникальным для конституционных ценностей. К основным свойствам относятся историчность, всеобщность и признанность, стабильность и обновляемость, перспективность, нормативность, концентрированность, верховенство, иерархичность, взаимосвязь и взаимозависимость, неотъемлемая связь с макроценностями. Существо данных юридических свойств позволяет более глубоко и единообразно понимать явление конституционных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Снежко О.А. Правовая природа конституционных ценностей современной России // Сравнительное конституционное обозрение. – 2005. – № 2. – С. 13–19.
2. Пугачёв А.Н. Истоки и первопричины европейского конституционализма. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2017. – 318 с.
3. Тарасова Е.П. Проблема влияния субъективных факторов на процесс разработки Конституции России в 1993 г. (на примере работы Конституционного совещания) // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – № 1. – С. 50–62.
4. Медушевский А.Н. Конституция России: пределы гибкости и возможные интерпретации в будущем // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 2. – С. 11–21.
5. Крусс В.И. Теория конституционного правоупотребления. – М.: НОРМА, 2007. – 752 с.
6. Витрук Н.В. Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности: вопросы теории и практик // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации: материалы междунар. науч.-практ. конф., 4–6 дек. 2008 г. : в 2 т. – Т. 1 / Под ред. Н.В. Витрука, Л.А. Нудненко. – М.: Рос. акад. правосудия, 2010. – С. 9–21.
7. Шайо А. Конституционные ценности в теории и судебной практике: введение // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 4. – С. 4–6.
8. Сидорова Е.В. Проблемы методологии исследования правовых ценностей // Государство и право. – 2012. – № 7. – С. 96–101.
9. Von Bogdandy A. Constitutionalism in international law: comment on a proposal from Germany // Harv. Int'l LJ. – 2006. – Т. 47. – P. 223–242.
10. O'Donoghue A. International constitutionalism and the State // International Journal of Constitutional Law. – 2013. – Vol. 11, Is. 4. – P. 1021–1045.
11. Constitutionalism: Foundations for the new Millennium: New Millennium Constitutionalism paradigms of reality and challenges [Электронный ресурс] // Artsakh E-Library. – URL: https://www.venice.coe.int/CoCentre/Harutyunyan_newmillenium.pdf. (дата обращения: 01.09.2022).
12. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М., 2011. – 544 с.
13. Перчаткина С.А. Реализация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов: современные тенденции и перспективы // Журнал российского права. – 2011. – № 10. – С. 97–108.
14. Кузнецов Е.Н. К вопросу об исполнимости в России решений Европейского Суда по правам человека // Вестник гражданского процесса. – 2016. – № 4. – С. 235–243.
15. Петербургский М.Ю. Характер отношений между национальными конституционными судами и судами международных организаций // Отечественная юриспруденция. – 2016. – № 8. – С. 62–65.
16. Рудт Ю.А. Баланс конституционных ценностей в доктрине конституционного права и практике органов конституционной юстиции Российской Федерации: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.02 / Алтай. гос. ун-т. – Омск, 2019. – 33 с.
17. Шустров Д.Г. Вопросы разработки теории многоуровневого конституционализма в современной науке конституционного права // Сравнительное конституционное обозрение. – 2013. – № 4. – С. 120–131.
18. Барциц И.Н. Доктрина конституционного патриотизма: европейский вызов и российская перспектива (к 20-летию Конституции РФ) // Государство и право. – 2014. – № 1. – С. 5–16.
19. Шульженко Ю.Л., Чиркин В.Е. Конституционный Суд России между прошлым и будущим // Государство и право. – 2011. – № 12. – С. 24–30.

20. Пугачёв А.Н., Козловская В.В. Принципы, функции и юридические свойства конституции / под ред. В.В. Козловской. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2019. – 375 с.
21. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – 23-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1990. – 921 с.
22. Петров А.А. Конституция России: взгляд с позиции теории иерархических многоуровневых систем // LEXRUSSICA. – 2014. – № 2. – С. 153–159.

Поступила 09.09.2025

CONCEPT LEGAL PROPERTIES OF CONSTITUTIONAL VALUES

S. ALESKA

(Belarusian State University, Minsk)

The main legal properties inherent in constitutional values are investigated. On the basis of legal doctrine, legislation and legal practice, such legal properties of these values as historicity, universality and recognition, stability and renewal, perspectiveness, normativity, supremacy, hierarchy, interrelationship and interdependence, concentration, inalienable connection with macrovalues are derived and substantiated. The essence of each legal property is revealed.

Keywords: *constitutional axiology, constitutional values, legal properties, constitution, the basic Law.*